

25.8.95.

Озеров Николай Николаевич

У ОЗЕРОВА

Прогр.-1995-25 авг.-С. 7.

45 лет назад известный спортивный комментатор впервые взял в руки микрофон

Нынешняя молодежь, наверное, не знает, что известный спортивный комментатор Николай Озеров — народный артист России — около сорока лет выступал на сцене прославленного Художественного театра (более 20 ролей), сорок пять раз (!) в различных категориях был чемпионом страны по теннису. Ну а о его карьере теле- и радиокомментатора известно всем. Недаром же Озерова уважительно называют самым крупным владельцем звуковых волн!

— Николай Николаевич, вы себя кем больше считаете: актером, спортсменом или журналистом?

— Вот если сложить все мои занятия вместе, то и получится Николай Озеров. Думаю, что все в моей судьбе взаимосвязано: театр, кино, эстрада, радио, телевидение. Но если говорить откровенно, то я начал со спорта, спортом и закончу. Сегодня я все свои силы отдаю родному обществу «Спартак», где являюсь председателем. Совсем недавно злые люди пытались разрушить наше общество, лишили нас всех спортивных сооружений, но «Спартак» же очень любим народом, поэтому мы возрождаемся. Это сейчас для меня — главная цель.

— Дай Бог и вам, и всем нам видеть «Спартак» процветающим! Но, скажите, зачем «Спартак» лезть в политику? Ведь не зря же говорят, что спорт и политика несовместимы. А насколько я знаю, «Спартак» накануне выборов вошел в блок Черномырдина «Наш дом — Россия»...

— К сожалению, в нашей стране очень многое зависит от политиков. Поэтому быть в стороне, как бы ни хотелось, не удастся. Ну а уж если выбирать, то, как говорится, по уму.

Три с лишним года прошло, как мы занялись возрождением «Спартака», кто только не обещал нам и помощь, и поддержку! Но дальше слов дело не двигалось. Более того, мы постоянно судимся за возвращение нам наших же помещений, где мы хотим устроить дом бесплатных занятий физкультурой для детворы. И вот господин Шibaев все три года оспаривает судебные решения, поэтому мы и не можем реализовать задуманное.

А возьмите хоккейный спартаковский дворец «Сокольники». Пользуясь неразберихой — помните, несколько лет назад было время грабительских приватизаций, — пять хитрецов акционировали дворец и сейчас, по сути, владеют им. Спрашивается, с какой стати? Они, что, его построили на свой деньги? Вот и получается, что один наш олимпийский чемпион (не буду называть фамилию) арендует лед во дворце для семейного урока, а десятки пацанов сидят и смотрят. За них-то заплатить некому! Мы будем бороться за этот дворец.

Почему мы поддержали блок Черномырдина? Потому, что наши позиции с программой НДР совпадают. И мы, и они за здоровую, сильную нацию.

Недавно Виктор Степанович Черномырдин подписал документ о передаче «Спартаку» шести спортивных сооружений. И это уже не болтовня, к которой мы привыкли. Мы же не собираемся нажиться на аренде этих сооружений — они будут принадлежать спортсменам и детям. А то нынче, куда ни взглянешь, везде на спортивных площадках и стадионах гаражи, торговые палатки и еще черт знает что.

— Как вы, имея в застойные годы доступ к прямому эфиру, объехав 49 стран, умудрились так и не вступить в члены КПСС?

— Однажды меня вызвал к себе председатель Гостелерадио Сергей Лапин и так полупрошепотом говорит: «Как получилось, что вы скрыли, что у вас дедушка был священник?» Это он в какой-то компании узнал подробности моей биографии. Ну посмеялись мы с ним в тот раз, и все. А вообще на предложения вступить в КПСС я обычно отвечал: «Не готов». К тому же я собрания не выношу, а в нашей парторганизации, кроме собраний, никакой другой работы и не велось. Да что там партия! Вот любят задавать вопрос: согласен ли все повторить в своей жизни? Я всегда отвечаю: «Да». Сейчас без ноги живу, казалось бы, должен быть не доволен жизнью, а я думаю, значит, «заслужил», коли судьбе так было угодно. Зато хожу сейчас с костылями Яшина. Мне их в больницу после операции Валентина Тимофеевна привезла со словами: «Лева тебя так любил, возьми его наследство».

— Вы помните свой первый репортаж?

— А как же! 29 августа 1950 года я вместе с Вадимом Синявским пришел в комментаторскую кабину стадиона «Динамо». Играли ЦДКА и хозяева поля. Я очень нервничал. Точно так же, как во время своей первой роли в театре. Тогда меня великий Анатолий Петрович Кторов чуть не силой вытолкнул на сцену, где я быстро успокоился, и все прошло хорошо. Примерно так же получилось и в этот раз. Синявский представил меня слушателям и ушел, а я, чуть не теряя сознание, как-то минуту продержался, а затем все наладилось. Потом меня все поздравляли, но две недели я не работал: начальство ждало откликов трудящихся.

А первому репортажу предшествовали многомесячные тренировочные записи на пленку. Синявский часами сидел со мной и прослушивал мою «безграмотную» речь. Так меня готовили. Я сейчас с тоской смотрю на то, что творится со спортом на различных каналах. Никто не смотрит, есть ли у человека дикция, фотогеничен ли он — все хотят прославиться. Меня просто в дрожь бросает, когда слышу, как мастера репортажа на всю страну говорят «мастерски», а ведь надо делать ударение на последнем слоге. Михаил Михайлович Яншин устроил как-то мне в театре разнос за то, что один мой товарищ во время репортажа сказал «включен». Он орал на меня:

«Какую вы культуру несете в массы, зачем лезете в эфир, если безграмотны!».

Вообще я считаю, что чем больше разных комментаторов, тем лучше. Но только без перегибов. Тут как-то чуть не специальный набор спортсменов на телевидение и радио объявили под предлогом того, что им — профессионалам — будет легче разобраться в спорте. Но ведь нужны еще и чисто журналистские качества. А профессионализм свой многие из новеньких используют в основном для поучений: «Тот не так сыграл, этот не туда мяч отдал», — да еще ругают наш спорт без отдыха. Так мы и потеряли зрителей на стадионах, а чего им там делать, коли с экрана с утра до вечера долбят, что у нас все плохо.

— Говорят, вы однажды вели репортаж с дерева?

— Было такое. В ноябре, в 1952-м, футбольный «Спартак» должен был играть в болгарском городке с названием Сталин. Мы же не знали, есть ли там комментаторские кабины, а звуковой канал заказали заранее. Приехал я, а места, с которого комментатору все хорошо было бы видно, не оказалось. Ну и посадили меня болгары на дерево, я на суку сидел, замерз как собака. Слезть сам не мог, мне помогали.

Да это еще ерунда, были случаи и похлеще. Прилетаю как-то из Ирландии, а меня в аэропорту встречают и говорят, что надо срочно ехать на студию и провести в программе «Время» спортивные новости. Будто бы в Москве кто-то распустил слух, что я умер, и его надо развеять. Надо, значит, надо. Еду. Ну вот сидим в студии, ждем, когда закончатся новости культуры, чтоб рассказать о спорте. Мы — это дикторы Игорь Кириллов, Нонна Бодрова и я. В это время шел репортаж из домика Островского. Наконец домик уходит из эфира, и Бодрова говорит: «С новостями спорта вас поздравляет Николай Островский». Все так и зашлись от хохота. Хорошо, что в тот раз Василий Алексеев своей очередной рекорд установил, так сразу поставили пленку об этом. Только я настроился, принял серьезный вид, как опять кто-то смехом начинает давиться. Едва я довел тогда передачу до конца, а уж какие слухи после этого поползли по Москве, не знаю.

— Николай Николаевич, а как родилось ваше знаменитое «такой хоккей нам не нужен»? Говорят, вы так сказали, когда впервые наша сборная стала участником грязной драки с канадцами...

— Было это в 1972 году. Кто драку начал, я не буду сейчас уточнять, но мне-то надо было как-то выкручиваться, ведь раньше мы старались не замечать подобных эксцессов на площадке. А тут скрыть было невозможно. Но фраза понравилась и начальству, и народу. Хоккеисты после игры ходили в синяках, а я — в именинниках. А потом уже Гена Хазанов, делая пародию на мои репортажи, использовал эту фразу в качестве ключевой.

— У вас есть любимые спортсмены?

— Я очень люблю Яшина и Боброва. Считаю, что эти двое — явление. Такие рождаются раз в двести лет. Мы, к сожалению, не ценим то, что имеем, привыкли поклоняться чужому.

Беседу вел Сергей ЕМЕЛЬЯНОВ.